

И.Е. Суриков
(д.и.н., г.н.с. ИВИ РАН)

ИНСТИТУТЫ ГРЕЧЕСКОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ОТРАЖЕНИИ ДРЕВНЕЙШИХ ИСТОРИКОВ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)*

Аннотация: Если говорить о ранних институтах греческого права, применительно к ним максимально ценными свидетельствами будут также свидетельства наиболее ранние. Специфика ситуации в том, что в нашем распоряжении в принципе очень мало древнегреческих литературных текстов, которые датируются временем до IV в. до н.э. Информативными в данном отношении должны быть труды историков. Речь идет о плеяде историков более ранних, чем Геродот, его предшественников (таких, как Акусилай, Гекатей, Харон и др.). От их сочинений дошли лишь фрагменты, но в совокупности таковых довольно много, и они содержат весьма разнообразный материал, в том числе и по юридической тематике.

Ключевые слова: греческое публичное право, раннее греческое историописание, Гекатей Милетский, Харон Лампсакский, Акусилай Аргосский

Каковы основные источники для древнегреческого права, особенно для ранних его стадий? Следует, безусловно, учитывать эпиграфические данные – законы, сохранившиеся в виде надписей. Ясно, что это наиболее аутентичный материал. Но его, увы, не так много, как хотелось бы, а главное – дошедшие памятники такого рода имеют более или менее случайный характер. Сплошь и рядом бывает так, что эпиграфика предоставляет нам какие-нибудь сугубо второстепенные законы, а очень важные, которые в наибольшей степени хотелось бы иметь, погибли безвозвратно. Так произошло, например, с эпохальным для Афин законодательным сводом Солона 594/593 г. до н.э., который был записан на во многом загадочных деревянных артефактах – «кирбах» или «аксонах»: от них не сохранилось ровным счетом ничего¹. Чуть больше повезло своду его предшественника – Драконта: из него сохранился один закон (IG. P. 115), да и то не с первоначальных аксонов, а в поновленной версии 409/408 г. до н.э.

Таким образом, весьма значительной становится роль нарративных источников. При этом для греческого права нет ничего подобного таким текстам, какими являются, например, «Дигесты» для римского. Приходится, так сказать, собирать «с бору по сосенке». Особое место в круге наших источников, занимают, само собой, речи классических ораторов (тем более что до нас дошли преимущественно памятники именно судебного красноречия). «Львиная доля» их выпадает на Афины IV в. до н.э., что уже является минусом: получается, они содержат данные только по одному полису, к тому же лишь для одного, не

* Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00022а ««Праотцы истории»: древнейшие представители античной исторической науки».

¹ Литература о законах Солона колоссальна. Укажем их важнейшие издания: *Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte.* Wiesbaden, 1966; *Leão D.F., Rhodes P.J. The Laws of Solon: A New Edition with Introduction, Translation and Commentary.* L. – N.Y., 2016. Но свидетельства о них – не надписи, а цитаты из позднейших античных авторов.

слишком длительного периода его истории. И минус этот – далеко не единственный. Не подлежит сомнению сугубая тенденциозность ораторов, которые сплошь и рядом прибегали к инсинуациям и даже прямым фальсификациям фактов². Из законов ими часто цитировались отдельные фразы, вырванные из контекста, что могло приводить (совершенно сознательно с их стороны) к искажению подлинного смысла соответствующих актов.

Итак, как бы ни были важны ораторские речи, строить изучение греческого (и даже конкретно афинского) права только на них решительно невозможно. Возникает настоятельная необходимость привлечения и других источников, и чем их будет больше – тем лучше. В числе таковых, разумеется, находятся сочинения Платона (в первую очередь «Государство» и «Законы») и Аристотеля (не только «Политика» и «Афинская полития», но и этические трактаты).

Если же говорить о ранних институтах права, то ясно, что применительно к ним и максимально ценными свидетельствами будут также свидетельства наиболее ранние. Болезненность ситуации, кстати, еще и в том, что в нашем распоряжении в принципе очень мало древнегреческих литературных памятников, которые датируются временем до IV в. до н.э. К их немногочисленному набору в первую очередь и надлежит обращаться. Не случайно, что в качестве источников по правовой тематике использовались даже и такие тексты V в. до н.э., которые, казалось бы, являются от этой тематики весьма далекими, – произведения аттической комедии³ и трагедии⁴.

Тем более информативными в данном отношении должны быть труды ранних *историков*. Вполне естественно, что Геродот и Фукидид с этой точки зрения анализировались многократно. Но в рамках настоящего доклада нам хотелось бы привлечь внимание вот к какому аспекту проблемы. Есть целая плеяда историков более ранних, чем Геродот, его предшественников. От их сочинений, конечно, дошли лишь фрагменты, но в совокупности таковых довольно много, и они содержат весьма разнообразный материал.

Не поможет ли он в том числе и при изучении вопросов права? Кажется, так вопрос в науке еще не ставился. Надо сказать, что «догеродотовскими» историками и в целом занимаются крайне мало⁵ – куда меньше, чем они заслуживают. Согласно преобладающему мнению, они (имеются в виду такие писатели, как Акусилай Аргосский, Гекатей Милетский, Ферекид Афинский, Дамаст Сигейский и др.) являлись «всего лишь» мифографами.

Данное утверждение соответствует действительности применительно к большинству из них (но не ко всем; так, значение Гекатея гораздо шире), однако из него никоим образом не вытекает, что данных авторов нельзя считать

² См. яркую характеристику: *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 232.

³ *Wallace R.W.* Law, Attic Comedy, and the Regulation of Comic Speech // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law* / M. Gagarin, D. Cohen (eds.). Cambridge, 2005. P. 357–373.

⁴ *Allen D.* Greek Tragedy and Law // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law* / M. Gagarin, D. Cohen (eds.). Cambridge, 2005. P. 374–393.

⁵ Едва ли не единственным исследованием монографического формата, посвященным этим авторам как *историкам* остается книга Л. Пирсона (*Pearson L.* Early Ionian Historians. Westport, 1975 – репринт первого издания 1939 г.), во многом устаревшая. Те же авторы как *мифографы* рассматриваются в недавнем фундаментальном двухтомном труде Р. Фаулера (*Fowler R.L.* Early Greek Mythography. I. Texts. Oxf., 2007; *idem.* Early Greek Mythography. II. Commentary. Oxf., 2013), но в нем речь идет не столько о них самих, сколько о мифах.

полноценными представителями античной исторической мысли. Их трактаты имеют вполне научный характер (в духе ранней ионийской науки), и, конечно, не следует забывать, что сюжеты, нами ныне воспринимающиеся как мифологические, в восприятии самих греков были вполне историческими⁶, то есть адекватно отражающими их собственное древнейшее прошлое. Генеалогическая мифография (востребованная по понятным причинам в первую очередь в аристократической среде) выполняла важную социальную функцию – связывала это прошлое с настоящим, и в этом смысле к ней вполне применимо предложенное Х.-Й. Герке понятие «интенциональной истории»⁷.

В подходе к легендарно-мифологической традиции, запечатлевшейся у ранних историков, резонно опираться на важную методологическую установку А.А. Молчанова (неустанно проводившуюся им в целом ряде работ и нашедшую наиболее полное воплощение в его итоговом комплексном труде по микенологии и миноистике⁸): эта традиция в целом достаточно адекватно отражает реалии II тысячелетия до н.э. Собственно, первым, кто в должной мере акцентировал такую мысль, был М. Нильссон⁹.

В том материале, содержащемся у ранних историков, который представляет древнейший пласт традиции (т.е. восходящий ко II тыс. до н.э.), мы не должны встретить юридической категории полиса. Ведь таковой еще не сложилось в круге эгейских цивилизаций обозначенного времени, и доминирующим типом политической организации являлось т.н. дворцовое царство. Соответственно, будет более чем естественно, если в этом древнейшем пласте материала окажется много упоминаний о царях, царской власти и т.п. Можно допустить также появление института совета (βουλή), каковой в той или иной ранней форме мог существовать при царях (как совещательный орган), но вряд ли – института народного собрания (δῆμος)¹⁰, столь характерного для позднейших полисов. А сама лексема πόλις если и встретится, то в сугубо не-терминологичном смысле, просто как «город».

Впрочем, древнейший пласт – у ранних историков не единственный: ведь в их сочинениях присутствовал весьма разнородный материал. Не забудем, в частности, о том, что для этих авторов делом настоящего или совсем недавнего прошлого была Великая греческая колонизация, в ходе которой сложился институт апойкий (а они-то в норме сразу конституировались именно как полисы).

⁶ Что отмечалось многократно (см. хотя бы: *Nilsson M.P. Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece.* Lund, 1951. P. 12; *Starr C.G. The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C.* L., 1962. P. 68; *Fowler R.L. Early Greek Mythography.* II... P. XII; *Видаль-Накэ П. Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире.* М., 2001. С. 228).

⁷ *Gehrke H.-J. Geschichte als Element antiker Kultur: Die Griechen und ihre Geschichte(n).* В. – Boston, 2014. S. 9–64.

⁸ *Молчанов А.А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения миноистики и микенологии).* М., 2000.

⁹ Едва ли не во всех своих основных трудах, но наиболее подробно – в: *Nilsson M.P. The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion.* 2nd ed. Lund, 1950.

¹⁰ Раннее народное собрание должно было называться скорее именно так, нежели как-либо иначе. Собственно говоря, даже и в классических Афинах, как относительно недавно продемонстрировал М. Хансен (*Hansen M.H. The Concepts of Demos, Ekklesia, and Dikasterion in Classical Athens // Greek, Roman and Byzantine Studies.* 2010. Vol. 50. P. 499–536), наиболее общим термином для народного собрания, вопреки распространенному мнению, было не ἐκκλησία, а δῆμος.

В связи с колонизацией в литературе античной Греции весьма значимое место занимала традиция κτίσεις – нарративов (часто во многом мифологизированных) об основаниях городов, чаще всего как раз применительно к миру колоний¹¹. Полагают, что подобного рода сказания фигурировали уже в поэзии эпохи архаики¹², а уже к V в. до н.э. приобрели прозаический характер. Так, сочинение «Основания городов» (Κτίσεις πόλεων) в двух книгах зафиксировано у Харона Лампсакского (Char. FGrHist. 262 T1 = Suid. s.v. Χάρων), одного из древнейших историков¹³, относящегося к «догеродотовской» эпохе (он работал не позже середины V в. до н.э.).

Или из этого трактата, или, как считает Ф. Якоби¹⁴, из другого – «Летописи лампсакийцев» – происходит один из самых важных и пространных фрагментов Харона – подробно изложенная этиологическая легенда об основании Лампсака (Char. FGrHist. 262 F7). Юридические реалии, фигурирующие во фрагменте, соответствуют архаическому периоду. Царская власть упоминается в нем как актуальное явление лишь применительно к варвару Мандрону, а для греков она выступает только как достояние прошлого. Основатели Лампсака Фоб и Блепс – потомки царей, но сами уже не цари. С другой стороны, речь во фрагменте идет о гражданах (πολίται), хотя, впрочем, лексема «полис» фиксируется только в не-терминологическом значении. Упоминаются эпойки – феномен эпохи колонизации. В свидетельстве фигурируют еще военный союз, а также столь характерный для греков правовой институт ксении – ритуальной дружбы-гостеприимства¹⁵, причем, что интересно, ксенические связи здесь устанавливаются между греческим аристократом и варварским правителем.

Не приходится сомневаться в том, что именно колонизационное движение, резко расширившее географические знания греков, вызвало к жизни один из двух трудов величайшего среди ранних историков, Гекатея – «Описание земли». Кстати, именно потому, что у Гекатея в «Описании земли» постоянно упоминались разные города и употреблялся термин πόλις, – а при этом перед нами, подчеркнем, весьма ранний источник! – его свидетельства привлекли внимание выдающегося антиковеда М. Хансена, когда тот во главе коллектива ученых занимался определением понятия «полис». Общее заключение к статье на эту тему ученый делает таким: «...Гекатей использовал термин “полис” таким же образом, как все остальные греческие авторы: даже несмотря на то, что это слово в “Описании” употреблялось в основном в значении города скорее, чем в значении города-государства, оно, кажется, в случае с эллинскими

¹¹ Schmid P.B. Studien zu griechischen Ktisissagen. Diss. Freiburg, 1947.

¹² Dougherty C. Archaic Greek Foundation Poetry: Questions of Genre and Occasion // Journal of Hellenic Studies. 1994. Vol. 114. P. 35–46 (впрочем, со скептическим отношением к тезису, согласно которому в архаический период уже существовал специальный литературный жанр легенд об основании городов).

¹³ О нем см.: Fowler R.L. Early Greek Mythography. II... P. 641–643.

¹⁴ Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 3: Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). A. Autoren ueber verschiedene Staedte (Laender). Nr. 262–296. 3 Aufl. Leiden; New York; Köln, 1993. S. 4.

¹⁵ Об институте ксении наиболее подробно см.: Herman G. Ritualized Friendship and the Greek City. Cambridge, 1987.

полисами применялось исключительно к общинам, которые были полисами в политическом смысле в той же мере, как и в урбанистическом»¹⁶.

Гекатея часто называют *первым* среди древнейших историков; так, и Ф. Якоби поместил его в своем эпохальном издании под номером 1. Подчеркнем, однако, что первым он был по значению, но не по времени. В частности, Акусилай (у Якоби он – номер 2) на хронологической шкале должен быть поставлен перед Гекатеем Милетским. Деятельность последнего еще продолжалась в начале V в. до н.э., в то время как жизнь и творчество аргосского автора целиком укладываются в рамки предшествующего столетия. Именно Акусилая, пожалуй, следует считать самым ранним представителем древнегреческого историописания. Во всяком случае, если говорить о тех историках, от которых сохранились аутентичные и внятные фрагменты (то есть если не брать в расчет проблематичные полулегендарные фигуры, вроде Кадма Милетского и т.п.).

И в любом случае Акусилай – один из первых греческих прозаиков, наряду с Ферекидом Сиросским. В трудах их обоих еще присутствовала теогония. В мифографии же последующих историков – Гекатея, Ферекида Афинского – она уже отсутствовала¹⁷, речь теперь не шла о богах, а только о героях. Данная особенность отражает ментальный процесс, в ходе которого с определенного момента события из жизни *богов* перестали считаться имеющими отношение к истории, в то время как события из жизни *героев* еще оставались ее неотъемлемой частью.

В принципе, конечно, не будет само собой разумеющимся утверждение, что у самого раннего историка обязательно должны отразиться самые ранние реалии, в том числе правовые. Тем не менее, привлекать его данные представляется решительно необходимым. От Акусилая сохранилось не так уж и много фрагментов (около полусотни); в докладе будут проанализированы некоторые из них на предмет наличия древних юридических институтов.

Подчеркнем, что данный доклад предполагает (как и обозначено в его подзаголовке) именно только *постановку проблемы*, отнюдь не детальную проработку всех ее аспектов: таковая потребует целого цикла статей. Пока мы делаем несколько предварительных наблюдений, изложенных даже не в хронологическом порядке (скорее в противоположном: от Харона мы идем к Гекатею, а от него – к Акусилаю).

Может возникнуть вопрос: а с чего бы так ценить эти отрывочные пассажи из позднеархаической и раннеклассической мифографии? В той же «Мифологической библиотеке» Аполлодора соответствующие сюжеты, в том числе и связанные с потестарными, публично-правовыми категориями, изложены гораздо более связно и детально.

Но «Мифологическая библиотека» (или, допустим, «Мифы» Гигина) – памятники весьма поздние, датирующиеся эллинистическим и римским временем. А, стало быть, их авторы пользовались мифологическими повествованиями, уже прошедшими «горнило» работы александрийских

¹⁶ Hansen M.H. Hekataios' Use of the Word *Polis* in his *Periegesis* // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis / T.H. Nielsen (ed.). Stuttgart, 1997. P. 27.

¹⁷ Якоби полагал, что у Ферекида Афинского она наличествовала, являясь одной из основных тем первых двух книг его трактата (*Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker* (F Gr Hist). Tl. 1: Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz. Leiden; New York; Köln, 1995. S. 74–77). Но Фаулер сумел удачно показать, что в сочинении этого автора теогонии уже не было (*Fowler R.L. Early Greek Mythography. I... P. 302–303*).

ученых. Это уже в какой-то степени искусственная литературная мифология, а не древняя аутентичная¹⁸.

Потому-то для нас так и ценны те пусть даже крохи (а в данном случае перед нами все-таки отнюдь не крохи), которые сохранились от авторов действительно ранних. А писатели, о которых тут шла речь, в полной мере относятся именно к ним, они – современники позднеархаических лириков, таких, как Пиндар, и ранних драматургов, таких, как Эсхил. В ту эпоху легендарно-мифологическая традиция еще продолжала формироваться, и историки первых поколений сами активно участвовали в этом формировании.

¹⁸ См. к проблеме: *Mori A. Names and Places: Myths in Alexandria // A Companion to Greek Mythology* / K. Dowden, N. Livingstone (eds.). Oxf., 2011. P. 227–241.